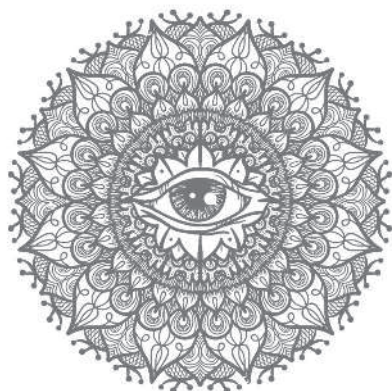

ИРИНА БОГАТЫРЕВА

ЖИТИ И НЕЖИТИ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Оформление серии *Петра Петрова*
Иллюстрация
на первой странице переплета — *Диана Хекилаева*

Богатырева, Ирина Сергеевна.

Б73 Жити и нежити / Ирина Богатырева. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Этническое фэнтези).

ISBN 978-5-699-92808-8

Яр и Яра, как и все нежити, — бессмертные существа, чей дом — Лес. Брат и сестра, которые некогда были одним целым. Их предназначение — даровать жизнь или смерть человеку, который находится на грани самоубийства. Принимая людской облик, они сопровождают своего подопечного до тех пор, пока не будет брошен жребий.

На сей раз Яру и Яра вытягивает к двум необыкновенным людям — Ёму и Джуде. Ём — молодой талантливый музыкант, любимец публики, окруженный толпой поклонников. Джуда — успешная танцовщица, для которой весь смысл жизни заключается в танцевальном искусстве. И брат, и сестра хотят спасти любимых людей, однако жребий лишь один на двоих.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92808-8

© Богатырева И., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016
© Хекилаева Д., иллюстрация на переплете, 2016

Здравствуй, брат!

Раз ты нашёл эту флешку, значит, я не ошиблась в расчётах, и ты появился в нужном месте в нужное время. Поздравляю! С радостью обняла бы тебя, жаль, что сделать этого мне не придётся.

Надеюсь, у тебя всё хорошо. Сама я в порядке. Не скрою, первое время мне было тяжело. Да чего там: мне было просто никак. Всё по-новому и очень странно. И еда, и питьё, и другие ощущения. А главное, появился страх. Страх смерти, ты можешь себе такое представить? Знаю, что нет. А я вот теперь могу.

Но ты не волнуйся: сейчас у меня всё наладилось. У остальных тоже. Как поживает Ём, ты без труда узнаешь, погуслив его имя. О нём пишут сейчас больше, чем он сам о себе знает. У Джуды тоже всё хорошо. Первое время на неё было страшно смотреть. Потом отошла. Сейчас она уже не танцует, но часто читает лекции студентам. Недавно вернулась из Индии. О тебе вспоминает с теплом. Уверяю: это самая счастливая женщина из всех, кого я знаю. Она полна таким внутренним светом, что рядом с ней приятно находиться.

Брат, я долго думала, показывать ли тебе текст, который ты найдёшь во втором файле, и всё же решилась. Откровенно говоря, я писала его не для тебя. Я не сомневаюсь, что ты помнишь всё, что с нами случилось, и даже лучше,

чем я. Но меня долго мучило чувство вины перед тобой. Будто я нечестно выиграла в лотерею, влезла в свою вечность, зацепившись за кончик чужого плаща. Да, законы мироздания неумолимы, и я до сих пор не понимаю, почему они обошли меня стороной. Меня, а не тебя, мой царственный брат.

Я долго мучилась этим, пока Ём не сказал: хочешь переболеть, напиши. Он человек, он знает. И я решилась. И, поверишь ли, помогло. Надеюсь, тебе тоже будет если не полезно, то хотя бы интересно это прочесть.

И последнее. Мой образ жизни не исключает, что я доживу до момента, когда ты снова у нас появишься. И я понимаю, конечно, что тебе не составит труда меня найти. Так вот, заклинаю тебя Лесом: не делай этого! Будь милостив ко мне так же, как и к себе. Закон времени ещё более неумолим, чем закон мироздания. И уж он-то меня не обойдёт. А я хочу, чтобы ты меня помнил молодой. Всегда такой же, как ты, князь.

Поэтому если захочешь увидеть меня, просто взгляни в зеркало.

*Доброй дороги, брат!
Люблю и скучаю.*

Твоя Я.

P.S. Да, и последнее. Конечно, ты прав: не знающий рождения не знает и смерти. И всё же поверь мне на слово: не знающий смерти не способен и жизнь понять.

Глава 1

ГОЛОД

1

Осиновый лесок был влажен, пуст и на просвет прозрачен. Я лежала в корнях, притаившись, не сводя глаз с поляны под скастом оврага. Охотничий азарт тянул нервы, было колко и весело. Если бы у меня был хвост, он наверняка бы сейчас подрагивал. Но у меня нет хвоста. К сожалению. Или всё-таки к счастью? Не знаю, я пока не решила. Но всё равно дрожать нельзя, можно только ждать, обмерев, и облизывать губы от нетерпения.

Апрель выдался тёплым. Снег уже сошёл, но земля ещё не прогрелась. Лежать было зябко и сыро, но я не обращала внимания. Погода тоже выдалась не очень, солнце не показывалось, и поэтому я не совсем понимала, что будут делать собравшиеся здесь люди. Впрочем, какая мне разница: я точно знала, что буду делать сама.

Они собрались в лощинке, защищённой от ветра, и этим существенно облегчили мою задачу. Не надо было лезть на дерево, выискивая удобную точку. Я просто притаилась на склоне овражка, за кустами, в мягкой жухлой листве. Отсюда мне было прекрасно видно всё: и людей, и окружающий лесок на несколько метров вокруг, и даже тропу, ведущую к станции, на случай экстренного отступления. Железка проходила в километре отсюда, время от времени лесок наполнялся гулом электрички, и тем более полная, будто придавленная, наступала потом тишина. Аж уши закладыва-

ло. Не лучшее место для медитации, доложу я вам, но этим людям много и не надо. Они не из тех, кто устраивает ретриты в сверхсекретных местах — в горах, к примеру, куда не так просто добраться. Нет, эти попроще, а мне и надо сейчас чего попроще. Правда, они и послабей: истощённые голодом и зимой, изнурённые своим представлением о здоровой пище тётеньки с фанатичными глазами, мужики с лицами язвенников. Заговори с такими на любую тему, они сведут всё к диетам, правильному питанию и к тому, чем травит их современный мир. Мне бы ваши проблемы, ребята.

Бодрее и здоровее во всех смыслах выглядели руководитель и его помощница. Оно и понятно: надо же демонстрировать позитивные последствия заблуждений. Они что-то вещали, остальные безропотно сидели на гимнастических ковриках, слушали. Иногда до меня долетали обрывки лекции, но я не пыталась вникать: суть сыроедения с последующим переходом к питанию солнечной радиацией меня не интересовала. Я могла бы сама много рассказать про энергетическую экономию, про годы без еды, в пещере, в норе, пахнущей грибами и прелью, но зачем? Как любую нежить, меня волновало только собственное выживание, и ради этого приходилось ждать и терпеть трепотню солнцеедов.

Вот только солнце сегодня, похоже, взяло отгул. Люди замерзали, я это точно знала: у меня похолодел кончик носа. Значит, произошла сонастройка, ведь мне самой температура окружающей среды нипочём.

«Теперь попробуем все вместе...» — долетело до меня, и люди на ковриках зашевелились, подобрались, выпрямили спины. Я тоже вся подтянулась до кончика несуществующего хвоста. Вот оно, скоро начнётся. Губы пересохли, но теперь я боялась их облизнуть. Сейчас они создадут общее поле, или как у них это называется, и направят свою энергию в одно русло, и тогда не зевай: надо вовремя хватать и тащить.

Спросите, как мне не стыдно? Стыдно. Всегда совестно обирать сырых и убогих, но что делать — других нет. В одном могу заверить: я умею себя ограничивать и не брать лишнего. Разве что совсем не питаться пока не умею. А этим психам, может, даже

на пользу пойдёт: хлопнется кто-нибудь в обморок — глядишь, мозгов наберётся.

Вот они закрыли глаза, что-то бормоча и нашёптывая. Лощинка наполнилась гулом, будто рой пчёл налетел. Я напружинилась, как перед прыжком, и для лучшей концентрации тоже прикрыла глаза. Как тут...

...раздался выстрел!

Я не сразу поняла, что это. Сперва показалось, это звук от железки. Но нет. Люди озирались, крутили головами. Вдруг грохнуло опять, и они завизжали, повскакивали и, оставляя вещи, полезли по склону оврага. Я вытянула шею, пытаюсь разглядеть, что там творится, но тут листья передо мной взвихрились, лицо обдало землёй, и прогремело снова. Я инстинктивно отпрянула, выскочила из укрытия и прыгнула в сторону. Мимо бежали люди. На меня не смотрели. Лес наполнился криками, шуршала взрываемаемая ногами листва. Сомнений быть не могло: по ним стреляли, по этим мирным травоядным кто-то посмел стрелять.

Заряд выбил кусок дерева у меня над головой. Ворох коры и древесных волокон запылил волосы. Что такое? Или в меня?! Я прыгнула и припустила вперёд неловкими зигзагами от одного большого ствола к другому. В глазах замелькали осинки. Кругом паника. Бред, сущий бред.

Загудело, заскрежетало, в какой-то сотне метров пронеслась электричка, и я заставила себя остановиться и унять идиотский страх. Руки тряслись, ноги плохо держали, и, что самое дурацкое, дрожала челюсть, клацали зубы. Я-то с чего так перепугалась? Или это всё та же сонастройка? А может, действительно стреляли в меня?..

Так. Спокойно. Я не человек. Я — это я: нежить, тень, след на песке. Стояла и повторяла про себя, чтобы успокоиться. Мимо в сторону станции продолжали бежать насмерть перепуганные люди. Но я не обращала на них внимания. Было только обидно, что они ушли от меня, но что делать: кто бы мог подумать, что в одном месте охотников будет двое. И кто этот второй, откуда ему взяться? И главное, почему он стрелял в меня? Если в меня...

Наверное, стоило вернуться. Найти место, откуда он стрелял, ведь там наверняка осталось что-то — гильза, нитка с одежды, хоть что-нибудь, что мне обо всём расскажет. Но нет. Я подавила тошнотное чувство страха, накатившее от одной мысли об этом, и пошла в сторону станции. Потом, потом. Кто бы это ни был, разберусь с ним потом. А сейчас просто хотелось убраться отсюда. Как можно скорее.

2

А какая весна стояла в тот год в Москве! Какая ярая, солнечная, пьяная стояла весна! Как звенела она в ушах, как кружилась от воздуха голова, как несло нас по бульварам — нездешних, пьяных, только очнувшихся, ослепших после долгой спячки. Как душило восторгом и звало куда-то, манило, и нестерпимо хотелось от этой весны всего: лиц новых, людей новых, жизни. Жизни хотелось нам!

Мы появились неделю назад. Мотались по городу, мерили его шагами до изнеможения, заглядывали в лица прохожим. Мы прочесть хотели их; глазами этими, лицами, новыми, свежими хотели упиться, захлебнуться — и не могли, никак не могли. Мы были ненасытны и жадны, как изголодавшиеся юные звери; мы устали не знали и хотели всего. Всего, всего мы хотели.

Уходившись, утомившись, садились в кафе за широким окном или на улице, на железных, промозглых стульях открытых веранд, ещё пустых в это время, сидели и молчали, смотрели, боясь сморгнуть, боясь отвести от мира глаза, чтобы он не пропал. Мы впитывали его и пьянели, пьянели с каждой минутой.

— Как же хороша жизнь, сестрёнка, — говорил Яр. — Нет, ты только посмотри: как же она хороша!

Я соглашалась с ним, но он меня не слушал, ослепительно улыбался подошедшей официантке, так что бедная девушка не знала, куда от смущения деть глаза. Отпустив её и проводив таким взглядом, какой мог бы оставить на коже ожог, подносил к лицу чашку крепкого кофе величиной с напёрсток, закатывал глаза и вдыхал аромат:

— Великолепно. Просто великолепно!

Мы поселились на чердаке старинного купеческого дома. Сейчас там детская школа искусств. Это на Чистых прудах. Из метро выйти к Мясницкой, свернуть в Гусятников переулок, пройти метров двести, потом налево — и будет он: небольшой сквер, тихий, тенистый. При входе памятник гимназисту. Я не сразу узнала его, но Яр подсказал: Вовочка в накинута́й на плечи шинельке, ещё не вождь, ещё не друг пролетариата — простой уездный мальчик.

Наша школа возвышается в глубине сквера замком. У неё две круглые башни с витражными окнами. Наша школа — дворец развития художественного вкуса, слуха и творческих навыков.

Это с одной стороны.

А с другой, со двора — ветхая дверь на узкую лестницу, забитую пылью, бутылочным стеклом, мусором и палыми листьями. Больше ничего — одна эта лестница вдоль всех этажей и огромный, над всей школой чердак с башнями старых печных труб, просвеченный слуховыми окошками, будто простреленный. Юлик говорил, что ради печей лесенка эта и делалась — по ней поднимались печники и трубочисты, проверяли тягу и чистили трубы. Нынче печи не топят, но раз Юлик что-то говорит, ему можно верить, ведь это его обязанность — всё на свете знать. И чердак нашёл он, он умеет чутя́ть такие места, как свинья — трюфели.

— Такое место, такое место, светлейший! — пел он, изнемогая от своего открытия, пока вёл нас к школе. — Славное, славное, князь! — и юлил, и крутился. Яр хмурил красивый белый лоб и на Юлика не глядел. Цезарь тяжёлой походкой ступал сзади, шаги его — как звуки судьбы.

На чердаке — кавардак: ломанные парты, доски, коробки. Старый диван под окном, а напротив — разбитый, некогда белый рояль. Как только затащили его сюда?

— Нравится? Нравится, князь? — лебезил Юлик, теряясь под тяжёлым взглядом Яра.

Брат молчал. Мы ждали. Он неторопливо обошёл чердак, переступая через коробки и мотки ржавой проволоки, стараясь не поднимать пыли. Остановился в луче света возле рояля. Мы не сводили с него глаз.

— Здесь, да? — спросил задумчиво. Юлик кивнул. Даже он притих, такой далёкий был у брата взгляд. — Ну что ж. Здесь — значит, здесь. Не всё ли равно.

И взял аккорд красивыми тонкими пальцами. Светлейший. Князь. Снова тот, кто он есть.

Мы выдохнули.

Но как бы ни пьянила, ни кружила нас жизнь, и Москва, и весна, слепящая солнцем, всё равно приходится помнить, кто мы такие и для чего здесь. И если уж Юлик нашёл место, если центр сближения вычислен, это значит — игра началась, и ни тебе, ни мне не под силу остановить её, брат. В конце концов, кто мы такие? Тень от тени. Нежить. След на песке.

Однако найти место — это только начало. Теперь надо ждать. Ждать людей, ради которых нас вытянуло на этот раз. Это может продлиться неизвестно сколько. Но Яр умеет ждать, и люди — обычные люди, не *наши* — интересны ему как объект.

— Надо понять это время, — говорит он, стоя под слуховым окном на чердаке. Цезарю удалось его открыть. С крыши текут запахи весны и гниения. Яр принохивается и что-то в них разбирает. — Какие сейчас люди? Чего они хотят? Юлик? — оборачивается.

— Счастья, светлейший. — Тот равнодушно пожимает плечами. — Люди во все времена хотят только счастья.

— А что им для этого нужно?

— Счастья, светлейший. Людям для счастья никогда ничего больше не нужно.

— Спорно, спорно, — качает Яр головой. — Этого мало. Так было всегда, а что сегодня?

— Ищем, светлейший. Ищем. Обязательно найдём. — Юлик достаёт из кармана брюк старый лорнет на длинной ручке, в один взмах раскрывает и подносит к глазам. — Итак, — объявляет с театральной интонацией, — запросы стандартные: как найти работу... как подложить свинью... как найти мужа... — Вытаскивает планшет и тычет в него пальцем. Мы с Яром в недоумении. — Шаманизм... Тайные учения. Места силы... Целебные вибрации, горловое пение... О, вот что-то знакомое: дао, хлопок одной ладо-

ню. Время хлопка одной ладонью! Не пойдёт? — поднимает на Яра глаза и сталкивается с его металлическим взглядом.

— Ты где это взял? — спрашивает брат.

— А... что? Это?

— Где взял, я спрашиваю? — Голос Яра не предвещает хорошего. Вообще-то он не склонен к насилию. Просто не любит, когда Юлик от рук отбивается.

— Так это... Материализация... — Юлик заметно трусит.

— Я тебе сейчас дематериализацию покажу. — Яр шагает к нему. Юлик вжимает голову в плечи. — Где взял, говорю?!

— Да спёр он его, светлейший, — безразличным тоном отзывается Цезарь. Складным ножом он чистит себе ногти, развалившись на коробках со старыми нотами. — В ларьке у метро. С витрины стянул. Не стоит дёргаться. Поиграет — и выбросит: зарядника всё равно нет.

Но Яра уже не остановить. Он хватает Юлика за шкуру и швыряет в сторону. Тот старается удержаться за рояль, несчастный инструмент стонет.

— Я тебе раз и навсегда говорю: чтобы никаких выходов, — обрушился брат. — Никаких спёртых ноутбуков, телефонов, случайных кредитов — ничего! Мы не оставляем следов! Понятно?

Он нависает над ним всем своим гневом, бедный Юлик не знает, куда деть глаза. Но Яр остывает, отходит — рояль охнул, когда он снял с него руку, и заплакал, когда Юлик заёрзал на нем.

— Тебя это, кстати, тоже касается, — кидает брат Цезарю, проходя мимо.

— Как можно, светлейший. Без вашего приказа ни один волос...

— Тихо! — обрываю я, прислушиваясь к звукам за дверью.

И все замирают.

Слушают.

Не дышат.

Ни единого движения не доносится с лестницы, но я знаю: там кто-то есть. Притаился, тоже прислушивается. Ждёт.

Неслышно — тень от тени — я проскользнула к выходу, замерла на миг, открыла дверь и шагнула на лестничную клетку.

И нос к носу столкнулась с мальчиком лет пятнадцати. Сзади мялся ещё один, маленький, лет десяти.

Они явно не ожидали меня увидеть и удивились моему появлению не меньше, чем я их.

— Здравсьте, — первым нашёлся старший мальчишка и улыбнулся. Лицо большое, крестьянское, и улыбка получилась открытая, какая-то разудалая, честная.

У второго улыбка вышла пожиже. Он трусил.

— Здравствуйте. А вы что тут делаете? — спросила я как можно более строго. Вспомнила, что выгляжу-то взрослой. Для них — вполне взрослой.

— Ничего. Мы так... Тут не было никогда никого. — Большой говорил, а маленький всё смотрел. Не на меня, а на дверь за моей спиной. — Мы отсюда, из школы. И... ну, эта...

— Раньше часто ходили, — ляпнул маленький, и старший его пихнул.

— То есть, бывало, что на чердак поднимались. Он же того... ну, эта. Пустой.

— Пустой был. Да. Теперь мы... — Я тоже осеклась. Говорить, что мы здесь поселились, ни в коем случае нельзя. Мы стараемся избегать людей. Не хватало ещё, чтобы про нас узнали.

Я вдруг почувяла, что дверь за моей спиной приоткрывается. Мальчики неотрывно за ней следили. И тут я поняла, что позади меня кто-то есть. Кто-то маленький и вёрткий проник, незаметно проскользнул у меня под самой рукой. Я резко обернулась, и мальчишки закричали: «Ира, не надо!» — но пигалица, чуть достающая мне до пояса, расчухав, что её рассекретили, резко распахнула дверь.

Комната, которая открылась нам, была небольшой, но уютной. Свет падал из окна в потолок. Он освещал письменный стол тёмного дуба, обитый чёрной кожей диван и стеклянный столик возле него. Стены из гипсокартона сияли свежей бежевой краской. Двое рабочих-таджиков в синих, заляпанных спецовках — один тощий и высокий, другой пониже и покрепче, — приставля-

ли к стене белый рояль фирмы Steinway & Sons, и солнце играло на его крышке. Яр в сером костюме в строгую тонкую полоску, элегантный, как лорд за завтраком, оторвал глаза от планшета и взглянул на нас.

Краем сознания я отметила, что планшет тот самый, Юликов.

— Ярослава, ещё рано пускать посетителей, — сказал брат строго.

— Да, Ярослав Всеволодович, — я послушно кивнула, стараясь закрыть дверь, но пигалица, которую я и разглядеть-то толком ещё не сумела, снова юркнула у меня под рукой и уже была на середине комнаты.

— Ух ты! — выдохнула она, не скрывая восторга. — Как тут стало! А было так прямо — ух! Тим! — обернулась она. — Смотрите! Да не бойтесь! Смотрите, какой рояль!

Мальчики вышли из-за моей спины и оглядывались с вежливым любопытством, больше стреляя глазами на чудесный инструмент. Яр наблюдал за ними поверх планшета. Выглядели они, надо сказать, занятно: были одеты не по моде, точнее, по моде эдак двухсотлетней давности — рубахи и порты на мальчиках, сарафан, белая сорочка на девочке. Разве что лаптей не хватает, а так — Москва образца 1816 года. И простые их лица, вихрастые чубы и русая косица у девочки очень естественно сочетались с этой одеждой.

— И правда хорошо, — вежливо сказал старший мальчик. — Извините, что помешали. Мы не знали, что чердак сдали. Мы думали, тут как всегда...

— Ой, а попробовать можно? — прыгнула Ира к роялю.

— Ира! — одёрнул её маленький мальчик. Но было видно, что ему самому очень хочется поиграть. — Спрашивать надо сначала, — смутившись, добавил он.

— Так я и спросила, у кого спрашивать? — крутилась Ира. — У вас? — заглядывала она в лица рабочим.

— Дыректора, — натужно сказал таджик, тот, что покрепче.

— У вас? — обернулась Ира к Яру.

— Ещё, наверное, нельзя. Точнее, не стоит. Его же только что привезли, его ещё настраивать надо, — рассудительно гово-